

Criminal justice in the republic of Uzbekistan: state and ways of development

Fakhritdin MUKHITDINOV¹

Academy of the ministry of internal affairs of the Republic of Uzbekistan

ARTICLE INFO

Article history:

Received April 2022

Received in revised form
20 April 2022

Accepted 15 May 2022

Available online

15 June 2022

Keywords:

justice,
criminal procedural relation,
restorative justice,
punitive justice,
competitiveness,
procedural justice
mechanism,
criminal procedural form,
criminal procedural
function,
parties,
prosecutor,
defense,
court.

ABSTRACT

This article analyzes the conceptual foundations for the development of criminal procedure law in the context of building a new Uzbekistan. The article attempts to explain the role and significance of justice in social relations based on the concept of justice and its social and legal goals. It is on the basis of the organizational and functional features of justice that specific aspects of the mechanism for the emergence, development and termination of criminal procedural relations are considered. Based on the analysis of the main issue of criminal procedural relations, i.e. establishing the guilt of the accused (defendant), the question of the essence of achieving justice and establishing the truth in the case through the competition of the disputing parties is revealed.

According to the author, it is the principles of competitiveness and justice that should be recognized today as the central idea of building a new criminal procedure legislation in Uzbekistan. After all, these principles are also the basis for understanding the essence of the criminal procedure form and are an important element of the mechanism for ensuring the procedural interests of the prosecution and defense functions. The article emphasizes that the provision of such a procedural mechanism as access to justice should be based on a specific legal idea and taken into account when drafting a new procedural law as the basis for the development of criminal procedural communication.

The article also discusses the importance for building a state of law as a modern paradigm of justice as an important organizational and legal basis for the development of alternative legal proceedings in the structure of the criminal

¹ Doctor of law, professor, department of crime prevention and criminology, academy of the ministry of internal affairs of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, Uzbekistan.

process, it also forms scientific views that open not only the solution of urgent procedural problems, but also the solution of the problems of resocialization of persons who have committed crimes. These views are formed through the analysis of specific aspects of the legal policy pursued in law enforcement practice in the field of justice in many developed countries.

In addition, the scientific article analyzes the conceptual directions for achieving the goals of justice by improving the functional activities of the competing parties – the prosecution and defense, as well as the subject that performs the function of solving the case. In this issue, the author makes an attempt to show the importance of improving the function of the prosecutor, who acts at the stage of preliminary investigation as a subject that provides checks and balances against the authorities of the investigating authorities.

2181-1415/© 2022 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss3-pp57-81>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Ўзбекистон Республикасида жиноий судлов: ҳолати ва ривожланиш йўллари

Калит сўзлар:

одил судлов,
жиноят-процессуал
муносабатлар,
ҳуқуқни тикловчи одил
судлов,
жазоловчи одил судлов,
тортишув,
процессуал адолат
механизми,
жиноят-процессуал шакл,
жиноят-процессуал
функция,
тарафлар,
прокурор,
ҳимоя,
суд.

АННОТАЦИЯ

Мазкур ишда Янги Ўзбекистонни барпо этиш шароитида жиноят-процессуал шаклни ривожлантиришнинг концептуал асослари таҳлил қилинади. Мақолада одил судлов тушунчаси ҳамда унинг ижтимоий-ҳуқуқий мақсадлари асосида жамият муносабатларидаги ўрни ва аҳамиятини очиб беришга уриналади. Айнан одил судловнинг ташкилий ва функциявий хусусиятлари асосида жиноят-процессуал муносабатларнинг вужудга келиш, ривожланиш ва якунланиш механизмининг ўзига хос жиҳатлари кўриб чиқилади. Жиноят-процессуал муносабатларнинг моҳиятидан келиб чиқиб, ишнинг асосий масаласи – судланувчининг айбини исботлаш масаласида тортишаётган тарафларнинг нуқтаи назарлари асосида ҳақиқатни аниқлаш ҳамда шу орқали адолатни ўрнатиш механизмида тортишув принципининг ўрни ва аҳамияти очиб берилади. Муаллифнинг қатъий фикрига кўра, айнан тарафлар тортишуви ҳамда адолат принциплари бугунда янги Ўзбекистоннинг жиноят-процессуал қонунчилиги конструкциясининг марказий ғояси сифатида эътироф этилиши зарур. Зеро, ушбу принциплар моҳиятдан жиноят-процессуал шаклни дифференциациялашнинг асосини ҳам ташкил қилиб, айблов ва ҳимоя функцияларининг процессуал манфаатларига эришиш ҳолатини таъминлаш механизмининг муҳим элементи ҳисобланади. Мақолада процессуал адолатга эришишдек процессуал механизмни

таъминлаш, албатта, муайян ҳуқуқий ғояга асосланиши зарур эканлигига эътибор қаратилиб, янги процессуал қонуннинг лойиҳасини тайёрлашда – “жазоловчи” ва “ҳуқуқни тикловчи” одил судлов ғояларининг ўзаро уйғунлигида жиноят-процессуал муносабатлар шаклини ривожлантириш асослари сифатида эътиборга олинishi лозимлиги кўрсатиб берилади. Шунингдек, мақолада “ҳуқуқни тиклаш” одил судловнинг замонавий парадигмаси сифатида жиноят-процессуал муносабатлар структурасида муқобил иш юритувларини ривожлантириш учун муҳим ташкилий-ҳуқуқий асос бўлиши, унинг асосида нафақат бугунги процессуал-ҳуқуқий муаммоларни ҳал этиш, балки жиноят содир этган шахсларни ресоциализациялаш муаммоларини ечиш имкониятлари очилиши ҳақидаги илмий қарашлар шакллантирилади. Мазкур қарашлар кўпгина ривожланган мамлакатларнинг ҳуқуқни қўллаш амалиётида юритилиб келаётган одил судлов сиёсатининг ўзига хос жиҳатларини таҳлил қилиш асносида шакллантирилади.

Бундан ташқари, илмий мақолада тортишув тарафларининг ҳамда ишни ҳал қилувчи субъектнинг функциявий фаолиятини такомиллаштириш орқали одил судлов мақсадларига эришишнинг концептуал йўналишлари таҳлил қилинади. Муаллиф бунда жиноят процессида прокурор бажарадиган – тергов ҳокимиятини тийиб турши фаолиятининг моҳиятидан келиб чиқиб, унинг процессуал ваколатларини такомиллаштириш, ҳимоя фаолиятининг мақомини шакллантиришда эса ҳолис субъектнинг иштирокини таъмин этувчи жиноят-процессуал тартибларни жорий этиш зарурияти кўрсатиб берилади.

Уголовное правосудие в Республике Узбекистан: состояние и пути развития

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

правосудие,
уголовно-процессуальное
отношение,
восстановительное
правосудие,
карательное правосудие,
состязательность,
механизм процессуальной
справедливости,
уголовно-процессуальная
форма,
уголовно-процессуальная
функция,
стороны,

В данной работе анализируются концептуальные основы развития уголовно-процессуального права в контексте строительства нового Узбекистана. Предпринимается попытка истолковать роль и значение справедливости в общественных отношениях, исходя из понятия справедливости и ее социально-правовых целей. Именно на основе организационно-функциональных особенностей правосудия рассматриваются конкретные аспекты механизма возникновения, развития и прекращения уголовно-процессуальных отношений. На основе анализа основного вопроса уголовно-процессуальных отношений – установления виновности

прокурор,
защита,
суд.

обвиняемого (подсудимого), – раскрывается вопрос о сущности достижения справедливости и установления истины по делу посредством состязания спорящих сторон.

Как полагает автор, именно принципы состязательности и справедливости сегодня следует признать центральной идеей построения нового уголовно-процессуального законодательства Узбекистана. Эти принципы также являются основанием для понимания сущности уголовно-процессуальной формы и представляет собой важный элемент механизма обеспечения процессуальных интересов функций обвинения и защиты. Подчеркивается, что обеспечение такого процессуального механизма, как доступ к правосудию, должно быть основано на конкретной правовой идее и учитываться при подготовке проекта нового процессуального закона как основы развития уголовно-процессуальных отношений.

Также рассматривается значение построения правового государства как современной парадигмы правосудия в качестве важной организационно-правовой основы развития альтернативного судопроизводства в структуре уголовного процесса, в котором формируются научные взгляды, раскрывающий не только аспекты решения актуальных процессуальных вопросов, но и проблем ресоциализации лиц, совершивших преступления. Эти взгляды формируются посредством конкретного анализа правовой политики, проводимой в правоприменительной практике в сфере правосудия многих развитых стран.

Наряду с этим, в данной статье анализируются концептуальные направления достижения целей правосудия путем совершенствования функциональной деятельности состязającychся сторон – обвинения и защиты, а также субъекта, выполняющего функцию решения дела. В этом вопросе автор предпринимает попытку раскрыть важность совершенствования функции прокурора, выступающего на стадии предварительного расследования в качестве субъекта, обеспечивающего сдерживание, и служащего противовесом по отношению к органам расследования.

В сознании многих политиков, ученых и даже, простых обывателей давно утвердилось мнение о причинах и условиях развития современного общества, суть которого неразрывна связано с обеспечением прав и свобод личности. Поскольку единственным органическим субъектом общества является сам человек, то лишь он в состоянии оценить всю гамму окружающих его природных и социальных благ, достижение которых является целью всей его жизни, и всего человечества. В свою очередь, данная концептуальная идея еще со времен Монтескье и французской буржуазной революции XVIII века неразрывно связана с понятием правосудия. По современным меркам, правосудие является залогом устойчивого развития общества и государства, гарантией соблюдения прав, свобод и законных интересов

человека, а также оно служит интересам государства, росту благосостояния и качества жизни общества.

Здесь уместно отметить, что именно состояние правосудия показывает, настолько в обществе царит режим законности, где право является основным, а, в большинстве случаев, – единственным источником регуляции общественных связей. В таких обществах социальные отношения основываются на верховенстве объективного права и субъективных прав граждан, государство же принимает меры по восстановлению нарушенного преступлением правопорядка, в том числе посредством уголовного и уголовно-процессуального права. Между тем принципиально важно определить, какая ветвь государственной власти ответственна за обеспечение законности и охраны прав граждан от правонарушений (преступлений), и осуществить права по наказанию лица, совершившего правонарушение. В правовом государстве это бремя несет только судебная власть, поскольку она, в отличие от иных ветвей власти, строится на началах независимости и самостоятельности в решении определенного социального конфликта.

Мы встречаем термин «правосудие» как понятие «правильно судить» в письменных исторических источниках русского права («Русская Правда», XI–XVII вв.). Однако данное понятие более широкое и по смыслу весьма глубокое. Если выразиться современным методологическим языком, то правосудие – это понятие системное, состоящее из определенных частей, которые в единстве служат для достижения целей правосудия. На этой основе можно определить следующие важные цели правосудия:

во-первых, правосудие – *это необходимая социально-правовая функция, нацеленная на правильное разрешение вопроса о признании (или непризнании) лица, совершившего противоправное деяние – виновным;*

во-вторых, *это тот необходимый социальный инструмент, посредством которого общество осуществляет свои права по наказанию лица, совершившего правонарушение.*

Наконец, в-третьих, правосудие – *это вершина правоприменительной деятельности (в практическом плане) и потому решение суда по определенному социальному конфликту обществом принимается как юридическая истина, т.е. решение суда (безусловно, только вступившее в законную силу) по своему формально-правовому признаку является истинным, в связи с чем при принятии решения суд всегда нацелен на установление истины по делу.*

Вот почему осуществление правосудия является весьма важным социальным явлением, выполняющим роль правового регулятора социальных конфликтов, возникающих между его участниками.

Вместе с тем, правосудие в качестве социального инструмента, средства установления виновности лица в совершении правонарушения проявляется не только в виде деятельности суда, но и в других процессуально-правовых функциях, в частности в таких, как преследование (обвинение) и защита, а также вспомогательных. Именно совокупность отношений указанных процессуально-правовых функций как объективно-субъективный элемент системы правосудия определяет его динамику, т.е. возникновение, развитие и прекращение процессуально-правовых отношений. Поэтому суть правоотношений в сфере

правосудия заключается в том, что оно является упорядоченной системой взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимозависимых действий суда и других участников процесса, которые возникают, развиваются и прекращаются в рамках процесса установления виновности лица, обвиняющегося в совершении правонарушения.

«Системный характер решаемых в рамках правосудия институциональных и функциональных задач, которые выглядят однородными только на самом общем уровне, но в действительности многообразны и, зачастую даже конкурируют друг с другом (необходимо установить обстоятельства дела, гарантировать право на защиту обвиняемому, обеспечить права потерпевшего, не допустить уклонения участников процесса от исполнения их обязанностей и т.д.), в силу чего приходится говорить о многоаспектности задач уголовного процесса».

Между тем система правоотношений в данной сфере *возникает и развивается* последовательно при определенных процессуально-правовых основаниях и условиях, например, поступление сообщения о совершенном преступлении является законной основой осуществления органами доследственной проверки их процессуальной деятельности. При установлении достаточных оснований для возбуждения уголовного дела дознаватель, следователь и прокурор обязаны возбудить уголовное дело и произвести расследование, цель же этой деятельности связана с установлением причин и условий совершения лицом противоправного деяния. Обвинительное заключение, представленное прокурором суду, является основанием для рассмотрения им уголовного дела по существу и д.

Вместе с тем функция суда, обозначенная в литературе как «разрешение уголовного дела», является таковой лишь по отношению к главному вопросу уголовного процесса. Однако, при смене производств по уголовному делу функция суда конкретизируется применительно к цели того или иного производства. В частности, в предварительном производстве по делу на суд возлагается функция разрешения дела. В проверочных производствах (апелляция, кассация) суд выполняет функцию обеспечения законности, обоснованности и справедливости вынесенного решения.

Таким образом, правосудие является весьма важным социальным институтом для жизнедеятельности общества, его место, роль и развитие во многом зависят от целей и задач, решаемых обществом, уровня его социально-правовой культуры. Если сделать краткий исторический экскурс по вопросу развития отношений в сфере судопроизводства в различных его формах, то можно заметить такую немаловажную особенность, что, по нашему мнению, определяет, а, порой, и положительно воздействует на стабильность правоотношений в сфере правосудия. Этим критериям конструкции правосудия более или менее, имея свои недостатки в плане формальных конструкций построения правоотношений, может отвечать англо-американская модель правосудия. Данная форма судопроизводства вот уже три столетия принадлежит таким институтам английского судебного процесса как Хартия вольностей (принята еще XV веке), Хабеас корпус Акт и другие, с незначительными изменениями, вот уже пятое столетие служат интересам правосудия в плане защиты неприкосновенности личности. Высокий уровень стабильности можно наблюдать практически во всех странах, принявших англо-саксонскую модель судопроизводства.

Важным воздействующим компонентом, обеспечивающим более стабильное процессуально-правовое отношение данной модели правосудия, является, прежде всего, уровень сознания общества о роли правосудия как правового механизма установления истины, а также независимости в ходе принятия решений в процессе рассмотрения и разрешения социального конфликта между субъектами общественных отношений.

В целом природа конструкции отношений правосудия следующая: где обязанность суда, как правило, связана с установлением истины на основе противоположных суждений (иногда обвиняемый, подсудимый не оспаривает обвинения) оспаривающих ее по одному и тому же событию. Хотя понятие истины в уголовном процессе является весьма спорным, однако, если исходить из точки зрения современной научной методологии об относительности всякого суждения критерию истины*, то ведутся давние споры среди ученых о существовании в уголовном процессе только материальной истины. Хорошим примером этому аргументу служит развитие криминалистических возможностей доказывания, в частности развитие генетики, которая в практической деятельности правоохранительных органов, послужила с точностью на 98% по установлению лиц, совершивших убийства, и т.д.

Несмотря на это, решение суда всегда связано с его субъективным познанием материалов дела, оно опирается на субъективное внутреннее убеждение суда. Однако, при этом, решение всегда основано на объективно-материальных источниках, в данном случае на материалах уголовного дела (исследованных в ходе судебного следствия). В данном случае понятия «внутреннее убеждение» и «материальная истина» не противоречат друг другу и тесно связаны между собой. Именно поэтому принцип «внутреннего убеждения» выступает в качестве гаранта осуществления судом своей функции – «правильно судить».

Обеспечение принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению также необходимо для понимания другого важного принципа правосудия – «независимости суда». Здесь «истина» и «независимость» также должны пониматься во взаимосвязи, поскольку только независимый субъект правоотношений в сфере правосудия, на которого возложено право принятия решения по делу, на основе противоположных точек зрения может выбрать истинную. Отсюда следует важный вывод о том, что осуществление независимого и беспристрастного правосудия является залогом устойчивого развития общества и государства, гарантией соблюдения прав и свобод человека, своевременного, эффективного и справедливого разрешения правовых споров на началах верховенства права.

Таким образом, социально-правовая необходимость «правосудия» и его значение в общественных отношениях бесспорны. Сегодня Узбекистан стоит на пороге принятия второго за время независимости, а за всю современную историю страны – пятого по счету Уголовно-процессуального кодекса. Прежние кодексы по своему строению уголовно-процессуальных отношений принципиально ничем не отличались друг от друга, если не учесть, при этом, отдельных подходов к

---

* Причина – что человеческое мышление обладает эволюционным и перманентным характером развития.

решению вопросов, связанных с компетенцией органов и лиц, ведущих уголовное судопроизводство, а также с определением процессуального статуса функции защиты. Первый же кодекс, принятый независимым Узбекистаном в 1994 году, от бесчисленных изменений, внесенных в течение десятка лет своего существования, сегодня превратился в нестройную и не совсем понятную систему. В нем порой, можно заметить явный разноречивый процессуальных норм, что, по сути, уже не отвечает современным потребностям общества, нацеленного на построение демократического правового государства, каковым является современный Узбекистан.

Сегодня республика стоит перед выбором важной цели в сфере судопроизводства, и она, прежде всего, связана с решением следующего вопроса – каким быть уголовному процессу страны? Между тем однозначного ответа на этот вопрос пока нет ни среди ученых, ни среди законодателей страны. Несмотря на то, что по поручению Президента Республики Узбекистан готовится проект нового Уголовно-процессуального кодекса и на это уже было потрачено достаточное количество времени – более двух лет, однако в этом проекте ясной и четкой концепции, объясняющей приверженность этого закона к конкретной модели уголовного процесса, увидеть нельзя, хотя из содержания отдельных норм проекта можно заметить институциональные особенности построения процессуальных правил по типу англо-американской модели уголовного процесса, это, например правила Миранды, Хабеас корпус Акт и т.п., из других – конструкцию норм, принадлежащих континентальному процессу, из третьих же – старые правила еще из прежнего советского уголовного процесса. Из всей их совокупности трудно построить цельную стройную систему процессуальных принципов и правил правоотношений, которые внесли бы ясность в вопросе приверженности данного УПК к той или иной процессуальной модели. Как мы полагаем, подобный метод регулирования уголовно-процессуальных отношений может привести в правоприменительной практике к непониманию и многообразному толкованию отдельных норм закона.

Ради справедливости следует отметить, что последние десятилетия, особенно после распада бывшего союза, в правовой политике, особенно проводимой в развитых и развивающихся странах, происходит «американизация» судебного права. Многие государства, даже такие развитые европейские страны, как Франция и Германия, не говоря уже о восточноевропейских, традиционно следующих континентальной, или «смешанной» модели судопроизводства, предпринимают шаги, направленные на реконструкцию собственных уголовно-процессуальных законодательств на основе «англо-американского суда».

Между тем, такому положению вещей есть объективное и рациональное объяснение. Прежде всего оно связано с тем, что многие принципы и правила, разработанные в сфере правосудия и рекомендуемые странам, участникам международного права для их имплементации в национальные законодательства, берут свое начало именно от «англо-американского» судебного права.

Независимо от того, что эти правила были предписаны в международных документах и, несмотря на их важность в качестве основополагающих принципов правосудия, в национальные законодательства они должны быть имплементированы как стройная система, при этом на основе четко

выработанного правового механизма реализации этих идей. При несоблюдении подобных нормативных требований, имеющих, в данном случае, методологическую основу, практически невозможно обеспечить необходимую стабильность процессуально-правовых отношений, что, в конечном итоге может быть отражено на практической деятельности органов и лиц, ведущих уголовное судопроизводство, а это, в свою очередь, – в торжестве «справедливого правосудия».

Помимо этого, при построении процессуальных отношений в соответствии с принципами отраслевого международного права необходимо учесть важное положение о том, что данные принципы – результат многовековой правоприменительной практики в сфере правосудия, а также последовавшего за ней социального опыта западных цивилизаций, опирающегося, в своей основе, на общественно-правовую идеологию «модернизма». Суть данной идеологии связана с тем, что все сферы общественно-правовых отношений строятся, прежде всего, на рациональности и либерализации общественных отношений, где государству (избираемым институтам власти. – *Ф.М.*) отводится организационно-контрольная функция, т.е. государство в сфере правосудия выступает важным гарантом его обеспечения, ограничивая свое вмешательство в пользу самостоятельной реализации субъектами процессуального правоотношения собственных прав и обязанностей. Такая конструкция социально-правового устройства общества превращает деятельность, связанную с судопроизводством, в некий недоступный бастион защиты прав и свобод личности от произвола власти, самостоятельно ориентируя ее на «справедливое правосудие».

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что нашей стране необходим самостоятельный путь развития уголовно-процессуального права, учитывающий основополагающие принципы и правила международного права в сфере отправления правосудия. При этом также следует учитывать конечную социально-правовую цель – достижение стабильного общественного развития страны, на основе чего важной предпосылкой такого развития является именно обеспечение защиты прав и свобод личности посредством отправления правосудия. Наряду с этим важные принципы правосудия законодателю давно известны, однако здесь, прежде всего, необходимо думать о достаточно налаженном механизме реализации принципов правосудия. Для этого важно определить приоритеты развития уголовного процесса, т.е. произвести выбор тех ценностей, защита которых, на данный момент, по тем или иным причинам представляется первоочередной, что особенно необходимо в условиях естественной конкуренции защищаемых ценностей.

В этой связи сегодня специалистам и политикам необходимо четко представлять себе приоритеты развития уголовного процесса, что, как мы полагаем, будет правильно осуществить в рамках выработки уголовно-процессуальной политики. Впрочем, уголовно-процессуальная политика – относительно новое для современного правоведения понятие, хотя уже достаточно прочно вошедшее в научный оборот. Термин, «уголовная политика», фактически обозначающий политическую деятельность общества в сфере уголовной политики, впервые был введен в научный оборот в начале XIX века. Его автором является немецкий ученый уголовного права А. Фейербах. Между тем он

не разграничивал уголовное право и уголовную политику, для него они сводились в единое целое. Разграничение в этих понятиях появилось намного позже, когда, в отличие от уголовного права как системы норм, под уголовной политикой стали понимать «выработку стратегии реакции на преступное поведение».

Если исходить из содержания данного утверждения, то «уголовно-процессуальную политику», являющей частью уголовной политики, следует понимать как деятельность общества, направленная на выработку стратегии применения форм уголовно-процессуальных предписаний, поскольку уголовный процесс, как правовое явление, рассматривается в качестве одного из детально регламентированных видов деятельности специальных государственных органов. Однако здесь уместно отметить, что в уголовно-процессуальных отношениях также участвуют лица, по тем или иным причинам привлекаемые в орбиту этих отношений. Самое важное – действия указанных лиц во многом оказывают влияние на определение дальнейшего хода развития уголовного процесса. Вот почему уголовно-процессуальная политика должна содержать в себе не только стратегию выработки форменных процессуально-правовых предписаний, но, также, делать акцент на содержательное составляющее этих норм, поскольку именно качество и направление процессуальных прав и интересов личности, уровень обеспечения механизмов их осуществления в конечном итоге выступают гарантом достижения эффективного, справедливого правосудия, т.е. достижение правосудия возможно только посредством обеспечения справедливых правил действий.

В этом вопросе нельзя не согласиться с мнением А.И.Александрова, утверждавшего, что «суть уголовной и уголовно-процессуальной политики состоит не в самом факте наличия или реализации уголовного или уголовно-процессуального законов, даже юридически безупречных, а в воплощении в правовых законах, а затем в правомерном поведении людей идей справедливости, свободы, уважения неотъемлемых прав и свобод человека».

В таком понимании законодателю теперь следует выработать концептуальную структуру уголовного процесса, отвечающую конечным целям общества в сфере правосудия. Для этого, в первую очередь, ему необходимо выбрать идейную модель процесса, нормативно указывающую на конкретную конструкцию целей, задач и систему процессуально-правовых ценностей, которых закон собирается охранять и создавать условия для реализации права.

Так, на основе исторического опыта развития различных форм уголовного процесса, связанного с понятием о сущности процессуально-правовых отношений и правовой политики, их можно разделить на следующие идеологические процессуальные модели: 1) карательное правосудие*; 2) восстановительное правосудие.

---

* Термин «кара» используется философами для сравнения карательного (обращенного на уже совершенное деяние) и консиквенталистского (или утилитарного, обращенного в будущее и учитывающего последствия) подхода к оправданию наказания. В рамках карательного подхода к оправданию наказаний выступает отношение к наказанию как адекватному ответу на причиненный преступлением вред, при этом устанавливается относительная тяжесть вреда от которой зависит суровость наказания. В рамках ретрибутивизма предусмотрены и другие цели кроме наказания, например, компенсация нанесенного вреда (Duff and Garland, 1994. P. 7).

Фактически похожий подход прослеживается и в работах американского ученого Х.Л. Паркера. По его мнению, существуют две модели уголовно-процессуальной политики: а) модель, «надлежащей правовой процедуры» (Due Process Model), когда основным приоритетом становится защита индивидуальных прав и свобод, обеспечиваемая предоставлением максимального числа гарантий лицу, защищаемому от уголовного преследования; б) модель «контроля над преступностью» (Crime Control Model), когда во главу угла ставится защита общества и его членов (потенциальных или реальных потерпевших) от преступлений, допускающая во имя достижения максимальной эффективности существенное ограничение индивидуальных прав и свобод.

Если рассмотреть эти модели более глубоко, то, в первом случае, процессуальное право основано на адекватном реагировании действиями лица, обвиняемого в совершении преступления. Здесь, при расширенном предоставлении полномочий государственным органам, ведущим уголовное судопроизводство, закон ограничивается лишь формальным признанием прав обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) на защиту (например, участие адвоката-защитника в производстве уголовного дела как бы является гарантией, предоставляемой обвиняемому в сфере охраны его прав). Основанное на подобной идеологии процессуально-правовое отношение фактически не предусматривает четкого механизма и не создает условие обеспечения основных идей принципа состязательности – равноправие сторон обвинения и защиты.

Интересное мнение, по данной проблематике было высказано грузинским исследователем Н. Мачарашвили, согласно которому в «постконфликтной трансформации и построения мира (в данном случае имеются в виду процессуальные отношения. – Ф.М.) ни один тип правосудия в социальной науке не был столь полемичным, как карающее правосудие. Проблематичный вопрос взаимоотношений между примирением и правосудием состоит во взаимосвязи таких компонентов правосудия, как, с одной стороны, возмездие, с другой – установление правды.

Можно рассмотреть и иную точку зрения. Так, по утверждению Н.В. Салтанова: «Карательная модель правосудия на первый план выдвигает отношение преступника и государства, в то время как жертва уходит на задний план. С точки зрения представителей этой модели преступление направлено против государства, следствием чего является наказание со стороны государства. Поскольку жертвой преступления, прежде всего, считается государство, отношение пострадавшего и преступника часто не учитывается вовсе, они как бы выпадают».

Вместе с тем карательное правосудие выполняют в обществе, все же, на наш взгляд, важную роль, связанную с реализацией права общества на наказание. Вот почему приоритетная задача «карательного» уголовного процесса, собственно, связана с наказанием лица за совершенное деяние. Уголовный процесс, основанный на подобной идеологии, можно усмотреть не только в средневековых европейских инквизиционных судах и судебных законодательствах советского периода, но и в судопроизводствах других стран, имеющих дифференцированную конструкцию данного процесса.

«Карательный дух» в уголовном процессе сохраняет свою позицию и поныне практически во всех странах мира, независимо их культурно-правового уровня развития и социально-политической ориентированности.

В центре внимания второй восстановительной модели правосудия находятся такие важные вопросы процессуального права, как ресоциализация лица, совершившего преступление, принятие ответственности, реабилитация и защита потерпевшего от повторного его становления жертвой преступления. Именно в этом заключается отличие правосстановительного правосудия от карательного правосудия, которое направлено на наказание преступника.

Исторически правосстановительное правосудие считается одним из наиболее молодых идеологий в уголовной политике. Согласно мнениям отдельных авторов, восстановительное правосудие впервые было применено в практической деятельности в суда Канады (г.Китченер, провинция Онтарио) в 1973 году.

Однако с 80-х годов прошлого века идет ожесточенное сражение на уровне идеологий между сторонниками карательного и восстановительного правосудия. Спор ведется вокруг таких методологических аспектов, как определение целей, задач и принципов восстановительного правосудия. Однако идеологическое противоборство не прекращается до сих пор, хотя не столь горячо как это происходило лет 30-40 тому назад. Может этому повлияло нахождение между обоими лагерями общих точек соприкосновения в указанных вопросах, а, быть может, долготелая положительная практика применения данной модели правосудия? Несмотря на это, необходимо отметить важную роль восстановительного суда в охране прав и интересов жертвы преступления, а также его возможности в ресоциализации лиц, совершивших преступление.

Именно на решение указанных вопросов обращают внимание сторонники восстановительного правосудия. В частности, голландский криминолог Даниель У. Ван Несс считает, что популярность восстановительного правосудия основывается на новой, идеалистической концепции правосудия, противопоставляемой традиционному правосудию, которая предоставляет более эффективную гарантию прав защиты обеих противоположных сторон процесса – обвиняемого и жертвы преступления.

Поддерживая озвученную идею, И. Айртсен утверждает, что концепция восстановительного правосудия основана на признании того, что преступление является нарушением, в первую очередь, интересов конкретного индивида (жертвы) и его социального окружения, а не государства как субъекта права.

Однако более точное определение восстановительного правосудия было изложено английским ученым Т. Маршаллом. По его мнению, восстановительное правосудие является процессом, с помощью которого стороны, вовлеченные в преступление, совместно определяют, как обращаться с его последствиями и какие выводы должны быть сделаны в будущем.

Подобные определения понятия восстановительного правосудия позволяют нам полагать, что идеологически оно должно опираться лишь на принципы восстановления нарушенных прав потерпевшего, а, следовательно, только жертва имеет право требовать наказать или освободить от ответственности своего обидчика.

Если глубже проникнуть в историю развития восстановительного правосудия, то нельзя не заметить такой детали, с которой связана национально-культурная традиция коренных народов, живущих в Северной Америке – индейцев. Именно индейская культурная традиция, проявляющаяся в «мирном разрешении» межплеменных конфликтов, явилась тем основанием, которым руководствовался Канадский суд при применении, впервые правила восстановительного правосудия. В настоящее время уже более 80 стран мира в своей практике применяют принципы и правила восстановительного правосудия. В этом списке находится и наша республика, которая в отличие от западной идеологии, в национальном подходе к восстановительному правосудию опирается на собственную традицию «быть милосердным».

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что наши знания о восстановительном правосудии могут быть основаны на двух важных понятиях. Из них первое, прежде всего, подразумевает, что оно всегда нацелено на восстановление права жертвы преступления. Для данного понимания всегда актуален вопрос о том, что данное правосудие является социально-правовым механизмом установления истины по делу, конечной целью которого является выдать компенсацию жертве преступления, а «тяжесть специальных санкций преступнику свести к минимуму». По мнению сторонников восстановительного правосудия, именно подобный подход выражает понятие справедливого правосудия.

Данная идеология в настоящее время набирает свои обороты, фактически становясь приоритетной для конструкции правосудия во многих странах мира, особенно это заметно в англо-американском судопроизводстве. Поскольку строение англо-американской модели судопроизводства предусматривает, прежде всего, состязание обвинителя с обвиняемым, фактически оставляя потерпевшего за рамками активной процессуальной деятельности, то в подобной конструкции процессуально-правовых отношений жертва преступлений может принимать участие в качестве главного свидетеля по делу, но с одной поправкой, что ему обеспечивается право компенсации из различных фондов за понесенный ущерб. В данном случае потребность англо-американского суда восстановительному правосудию более чем очевидна.

Другая особенность восстановительного правосудия связана с его пониманием не как панацеи от всех случаев социальных конфликтов, а с возможностью его использования в производстве дел не представляющий большой общественной опасности, в том числе там, где можно ограничить вмешательство государства в частную жизнь лиц, ставших жертвой преступления, например в производстве частных и частно-публичных дел.

Хотя, как утверждают сторонники данной модели правосудия, помимо защиты прав потерпевшего, оно полно обеспечивает ресоциализацию лиц, совершивших преступления, однако порядок восстановительного правосудия не совсем обоснованно применять по делам, общественная опасность которых, несомненно, высока. Между тем последствия внедрения в практику принципов восстановительного правосудия по тяжким делам, могут привести не только к ущемлению прав и интересов потерпевшего, но также будут противоречить интересам общества, поскольку, в этом случае, личность самого преступника

является общественно опасным деянием, а это прямая угроза не только общественному порядку, но и безопасности других членов социума.

Здесь уместно вспомнить изречение древнегреческого философа Эпикура, согласно которому законы принимаются не ради того, чтобы хорошие люди знали границу дозволенного и следовали его нормам, а для того, чтобы защищать хороших людей от плохих.

Из этого следует, что общество должно иметь четкую законодательную практику о социально-правовых гарантиях защиты от любых посягательств на права, свободы и интересы своих членов. Такой важной гарантией служит именно правосудие, которое посредством использования права на наказание выполняет функцию защиты общества от преступных посягательств. Это же означает, что «карательная функция» является важным системообразующим элементом социально-правового явления как правосудие. Его сущность связана посредством установления истины по делу принять справедливое решение, наказание виновного за содеянное. В данном случае ресоциализация виновного лица является не первичной целью общества (первичной, при этом, становится отделение от общества лица путем наказания), а целью предстоящей в будущем.

Итак, подводя итоги сказанному хотелось бы отметить, что общество должно иметь эффективные механизмы адекватного реагирования на любые социально-правовые конфликты, при этом независимо от их общественной опасности, что является защитным механизмом общественных отношений, важность которого неоспорима. Таким правовым инструментом во всех развитых обществах выступает правосудие, и его эффективность напрямую зависит от стройной модельной конструкции.

Вместе с тем, многие государства движутся по пути соединения «карательной» и «восстановительной» функций в регулировании процессуально-правовых отношений. По нашему мнению, это самый верный путь развития не только правосудия как правового института разрешения социальных конфликтов, но и общества в целом.

В данной момент для нашей страны актуальным является вопрос о разграничении, вернее, дифференциации уголовно-процессуальной формы, в частности по такому основанию, как общественная опасность совершенного преступления.

В уголовно-процессуальном праве теория дифференциации уголовно-процессуального порядка не совсем нова. Этот вопрос особенно широко обсуждается среди ученых еще в 70-е годы прошлого столетия. Тогда дискуссия велась вокруг вопроса о том, должна ли форма уголовного судопроизводства быть единой для всех уголовных дел или ее необходимо дифференцировать. Сегодня каких-либо сомнений о необходимости дифференциации процессуальной формы фактически не осталось, поскольку любая историческая, а также современная формы процессов имели или имеют определенную дифференциацию производства уголовных дел. Во все времена законодатели старались подойти к данному вопросу весьма трепетно, стараясь структурировать уголовный процесс на основе тяжести преступления и суровости наказания.

Необходимо отметить, что УПК Республики Узбекистан 1994 года вначале, в указанном смысле, был менее дифференцированным*. Тогда практически все уголовные дела производились в строго установленной единой форме. Но, начиная с нового тысячелетия, произошло резкое изменение курса уголовной политики, в ней основной акцент был сделан на дифференциацию процессуального порядка. Именно тогда и появились в УПК элементы восстановительного правосудия, в частности, в виде ведения дела на основе примирения сторон и др.

Сегодня, накануне принятия нового Уголовно-процессуального кодекса, законодатель стоит перед выбором той модели, которая могла бы сочетать и карательное, и восстановительное начало уголовного процесса с тем, чтобы предоставить его участникам возможность при необходимости самостоятельно применять одну из этих мер. Однако вопрос, каким образом выбранную модель нужно сконструировать, по-прежнему остается актуальным. В первую очередь для решения данной проблемы необходимо правильно сформулировать цели и задачи уголовного процесса.

По нашему мнению, Л.Б.Алексеева вполне обоснованно считает, что структура уголовно-процессуальной деятельности должна базироваться на том методологическом правиле, в соответствии с которым анализу функций должен предшествовать тщательный анализ задач и целей уголовного судопроизводства, поскольку каждая функция прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно вытекает из задач и целей процесса.

Между тем нынешнее определение целей и задач уголовного процесса не совсем совпадает, а в отдельных случаях не отражает его сути и функциональных задач. В частности, ст. 2 УПК определяет следующие цели:

- укрепление законности;
- предупреждение преступлений;
- защита интересов личности, государства и общества.

Эти цели составляют единую систему ценностей, указывающие на важное направление движения уголовного судопроизводства, однако данное обстоятельство не мешает рассматривать их по отдельности. Так, из упомянутых целей «укрепление законности» должно пониматься как, во-первых, восстановление режима законности, который был нарушен совершением преступления, во-вторых, оно нацелено на недопущение в будущем нарушений законности. Последнее тесно связано с другой целью уголовного процесса – «предупреждение преступлений», поскольку весь процесс производства уголовного судопроизводства – это демонстрация незыблемости режима законности о том, что общество всегда будет реагировать на любые отступления от его требований.

---

* Дифференциация уголовно-процессуальной формы – это такое устройство судопроизводства, при котором, наряду с его обычным порядком, имеют место процессуальные формы, предусматривающие как упрощение процедуры по несложным делам о преступлениях, небольшой общественной опасности, так и усложнение ее по делам о наиболее опасных преступлениях либо делам, требующим особой процессуальной защищенности законных интересов обвиняемого или иных участников судопроизводства (Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Учебник для вузов, – СПб.: 2005. – С. 78).

Что касается цели уголовного процесса, связанной с «защитой интересов личности, государства и общества», то ее достижение возможно лишь тогда, когда социальный конфликт будет разрешен правильно, т.е. справедливо. Именно достижение справедливого судебного решения может фактически защитить интересы как личности, так государства и общества. Здесь вопрос должен пониматься не только в рамках того, что участники процесса имеют различные процессуальные интересы, а в том, что они являются цельной системой, т.е. процессуальные интересы непосредственно между собой взаимосвязаны, взаимообусловлены и взаимозависимы.

Вместе с тем актуальным представляется следующий вопрос: каким образом можно сбалансировать различные интересы участников процесса? На наш взгляд, эту проблему можно решить посредством постановления справедливого решения по делу. Именно поэтому до сегодняшнего дня самым важным принципом, идеей достижения справедливости в уголовном процессе остается разрешение дела на основе состязательности сторон. Однако некоторые ученые, резко возражая против подобной постановки вопроса, утверждают, что состязательный процесс возникает лишь тогда, когда между сторонами имеется реальный спор по предмету обвинения. Также, по их мнению, не по всем делам может возникнуть процессуально-правовой конфликт сторон, в большинстве своем они стремятся найти пути компромисса в ее конечном разрешении. Возражая против подобной постановки вопроса, необходимо отметить, что идея ведения процесса на основе состязательности является не только целью уголовного процесса, но, также служит важным механизмом осуществления справедливого производства уголовных дел. Поскольку суть принципа состязательности заключается в том, что, помимо предоставления сторонам права оспорить обвинение, он также открывает путь к согласию интересов сторон, проявляя себя в виде их примирения, чистосердечного признания обвиняемым (подозреваемым, подсудимым) предъявленного обвинения, заключение соглашения с обвинителем и т.д. В этом случае принцип состязательности выступает в качестве правового гаранта обеспечения процессуальных интересов участников конфликта.

Если рассматривать определение целей и задач уголовного судопроизводства в законодательствах развитых стран, прежде всего в своде правил по судопроизводству США, то понятие состязательности является ключевым для понимания того, что из себя представляет американский уголовный процесс. В научной литературе цель американского уголовного процесса определяется как состояние правосудия в принятии справедливого решения по уголовному делу в условиях беспристрастности, уважения прав и свобод человека и гражданина, корректности по отношению к сторонам и, возможно, полной информированности о предмете правового спора.

Между тем система уголовной юстиции США связана с осуществлением функции социально-правового контроля, которая как важная цель правосудия предусматривает деятельность, направленную на уменьшение, предотвращение и пресечение преступлений путем обвинения и наказания виновных. Кроме того, контрольная функция подчеркивает важность защиты граждан, общества и государства посредством снижения преступности усилиями, прежде всего полиции

и обвинительных служб, которые несут ответственность за то, чтобы виновные предстали перед судом, обеспечивая неотвратимость уголовной репрессии.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что справедливость является приоритетной целью американского правосудия, она понимается не только как достижение определенного конечного материального результата, но и как справедливый путь – процедура, приводящая к тому конечному результату.

В этом вопросе можно согласиться с мнениями Н. Г. Стойко, О. Б. Семухина, которые утверждали, что «именно процедура есть определяющая характеристика американского уголовного процесса, ключевым элементом которой является процессуальная справедливость. Ее ценность, проистекающая из уважения к правам человека, ставится выше ценности эффективности судебного решения и даже может противоречить последней».

Подобные особенности процессуальной конструкции фактически свойственны всем последователям англо-американского процесса. В частности, из стран постсоветской территории только Грузия, построившая свое судопроизводство на принципах англо-американской модели, определила «справедливость» как приоритетную цель правосудия. Так, в соответствии со ст.8 УПК Грузии «обвиняемому обеспечивается право на справедливый процесс», а справедливое правосудие, согласно ст.9 УПК, обеспечивается равенством и состязанием сторон.

Достижение справедливости посредством обеспечения равноправия сторон также является важной целью и задачей уголовного процесса континентальной Европы. В частности, на уголовное судопроизводство Германии возлагается следующая задача: «установление и осуществление возникающего в конкретном случае со стороны государства законного требования наказания. В материально-правовом смысле это должно быть правильное и справедливое решение». Вот почему истина и справедливость становятся руководящими принципами немецкого уголовно-процессуального права.

Установление истины и принятие на ее основе справедливого решения по делу – приоритетная задача и для другого важного «представителя» континентальной модели процесса – французского уголовного судопроизводства. По мнению отдельных исследователей, «активная роль суда во Франции находит свое выражение в том, что суд обязан установить истину по делу для принятия справедливого решения».

Таким образом, если мы хотим иметь стабильную модель процессуально-правовых отношений в сфере уголовного судопроизводства при выборе целей и задач, то, в первую очередь, должны опираться на такие социально- и процессуально-правовые категории, как «справедливость» и «состязательность» (равноправие) сторон. В пользу этого тезиса можно предъявить следующие аргументы: во-первых, «справедливость» как социально-правовая категория в уголовно-правовой сфере подразумевает соотношение понятий между деянием и воздаянием и, при их соответствии, результат признается справедливым; во-вторых, у уголовно-процессуального права есть собственное видение справедливости, и оно по сравнению с уголовным правом понимается намного шире. Так, уголовно-процессуальная справедливость, в отличие от уголовно-правового понятия, ориентирована не столько на конечный результат

правоотношений, сколько на сам механизм достижения этого результата. Иными словами, уголовно-процессуальная справедливость – это механизм установления истины посредством обеспечения равноправных возможностей по предоставлению сторонам доказательств независимо от этих участников процесса субъекту (суду), последний же исследуя доказательства, принимает окончательное решение по делу. Из представленного понятия можно выделить четыре системообразующих элемента, которые, во взаимосвязи, составляют механизм процессуально-правовой справедливости, это: а) равноправие сторон; б) автономный статус суда; в) правоотношения между сторонами и их деятельность совместно с судом для достижения истины; г) конечный процессуальный акт.

На этой основе приоритетная цель уголовного процесса, а также решаемые им задачи должны быть непосредственно связаны с обеспечением процессуально-правовой справедливости. Между тем, действующее законодательство как бы уже предусмотрело элементы понятия справедливости, и оно представляется таким образом: «...каждый, совершивший преступление, был подвергнут – а) *справедливому наказанию* и б) *ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден*».

Наряду с этим, подобное определение цели уголовного процесса не всегда совпадает с потребностями, а, значит, и с интересами его участников. Подобное определение целей и задач уголовного процесса в своем большинстве отвечает интересам публичного порядка ведения процесса, поскольку цель публичной формы процесса всегда направлена на обеспечение права общества на наказание.

Однако уголовный процесс состоит не только из публичного, но и из других форм ведения процесса. В частности, уголовный процесс имеет строго дифференцированный характер, и его структура состоит, помимо публичного, еще из частно-публичного и частного порядков процессуально-правовых отношений, в которых обсуждаемая цель не всегда может совпадать с сутью этих структурных частей процесса. Например, цель ведения уголовного дела в порядке примирения как правило направлена на восстановление права потерпевшего, а не на наказание лица, совершившего преступление.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что категория «справедливость» как цель уголовного процесса в полной мере отвечает требованиям не только публичного, но частно-публичного и частного порядка процесса прежде всего ввиду того, что нахождение консенсуса между конфликтующими сторонами – это выход из ситуации (т.е. решение как результат данного процесса), что наиболее полно отвечает интересам сторон, а это, несомненно, справедливо.

Между тем необходимо отметить, что в уголовном процессе «примирение конфликтующих сторон» и «обеспечение неотвратимости наказания» в качестве его целей не совсем равнозначные понятия, во многих случаях они противоположны. В роли согласующего указанных понятий в уголовном процессе выступает обеспечение частных интересов его участников, что, в данном случае, может полнее выражать идеологию правосстановительного правосудия.

Эти и другие ранее рассмотренные положения повышают уровень актуальности вопроса о четком определении целей и задач уголовного судопроизводства, что является основой для грамотного построения системы правоотношений в сфере правосудия.

Другой важный вопрос в построении правоотношений в сфере уголовного судопроизводства страны – это четкое понимание в нем роли и места прокурорской деятельности. В научной литературе до сих пор не существует единства по вопросам понятия функций прокурора, их системы и содержания. В данном вопросе мы солидарны с мнением А.А. Тушева, утверждавшего о том, что «полярность и многочисленность порой недостаточно обоснованных точек зрения о количестве и видах выполняемых прокурором функций приводят к размыванию роли, целей и задач его деятельности в уголовном судопроизводстве».

Действительно, отсутствие понимания целостной системы осуществляемых прокурором функций в уголовном процессе серьезно снижает эффективность деятельности прокуроров, которым необходимо четкое и ясное представление о выполняемых ими функциях.

По мнению того же А.А. Тушева «деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве является многофункциональной и не ограничивается осуществлением уголовного преследования лиц, совершивших преступление, и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Система функций и полномочий прокурора в уголовном процессе обеспечивает законность и эффективность всего уголовного судопроизводства».

По этому поводу следует сказать, что во многих государствах, особенно в странах Содружества, прокурорам предписывается выполнение еще и таких функций, как руководство процессуальной деятельностью следователя, дознавателя и органов дознания, координация деятельности правоохранительных органов по возбуждению и расследованию уголовных дел.

Вместе с тем, по мнению других исследователей, основной функцией прокурора в уголовном процессе все же является обвинительная функция, состоящая из таких элементов, как «самостоятельное активное участие в уголовном преследовании, в том числе путем вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, оценка правильности и корректировки данных органом расследования квалификации деяния, инкриминируемого лицу, подвергнутому уголовному преследованию».

Не игнорируя это утверждение, можно сказать, что обвинительная функция прокурора структурно состоит из двух частей, первая из которых связана с ведением данной функции в досудебном производстве, где она фактически зарождается, развивается (посредством взаимоотношений с органами следствия и дознания) и через него, во-вторых, переходит в важную для своей деятельности стадию – поддержание государственного обвинения в судебном производстве дела.

Из этого тезиса следует, что понятие прокурорского надзора фактически служит для осуществления основной своей функции в уголовном процессе – поддержания обвинения. Обвинительная функция прокурора – важнейшая в системе всей деятельности (защиты, разрешения дела) в уголовном судопроизводстве, поскольку обвинительная деятельность впоследствии дает толчок возникновению и развитию процессуально-правовых отношений.

Что касается норм, существующих в уголовно-процессуальном законодательстве в качестве обеспечения надзорной деятельности прокурора на стадии предварительного судопроизводства, то она фактически выполняет

следующую важную задачу – это обеспечение законного, обоснованного и справедливого ведения органами следствия обвинения. Отсюда можно сделать вывод о том, что прокурорский надзор является вспомогательной по отношению к центральной функции прокурора – поддержание и доказывание обвинения в судебной стадии уголовного процесса.

Здесь можно выделить четыре существенных элемента прокурорской деятельности в уголовном процессе: 1) надзор; 2) обвинение; 3) доказывание; 4) требование (наказать). В данном случае эти элементы в совокупности, конечно же, во взаимосвязи друг с другом составляют систему прокурорской функции в уголовном процессе. Например, осуществление прокурором своей надзорной функции прежде всего направлено на обеспечение «чистоты» (законности, обоснованности, справедливости) обвинения, что ему предстоит доказывать в судебном разбирательстве дела. Выполнение указанной обязанности дает право прокурору требовать суда от имени общества (государства) подвергнуть обвиняемого (подсудимого) наказанию.

С другой стороны, прокурорский надзор как необходимое процессуально-правовое средство осуществления прокурором обвинительной функции на предварительном следствии существует в качестве важной процессуальной гарантии за точным и единообразным исполнением законов органами следствия и дознания. Только прокурор посредством своей надзорной деятельности на начальном этапе уголовного процесса выступает важным социально-правовым инструментом сдерживания или, если сказать по-другому, существует в качестве противовеса в отношении власти органов следствия и дознания. Функция прокурора во всех классических моделях уголовного процесса, без исключения, строится на принципе «недоверия власти». Суть данного принципа заключается в том, что в демократических государствах общество не может полностью доверять держателям власти, которые, по идее, всегда мотивированы на установление монополии на нее. В уголовном процессе, так называемая «репрессивная власть», которая, в частности, обладает властью над расследованием и установлением виновности лиц в совершении преступления, всегда была прерогативой органов следствия и дознания. Именно поэтому общество предпринимает попытки установить социально-правовые и политические механизмы сдерживания и противовеса. Достаточно привести пример из 30-х годов прошлого века, когда органами следствия и дознания были репрессированы миллионы безвинных людей, и эти действия ими осуществлялись при отсутствии должного прокурорского надзора и независимого судебного органа. Вот почему прокурорский надзор за единообразным и точным исполнением законов за деятельностью органов следствия и дознания в сфере уголовного процесса фактически является тем самым механизмом сдерживания и противовеса, который фактически гарантирует обществу соблюдение режима законности. Поэтому в англо-американской и континентальной моделях правосудия только прокурор обладает дискретным правом на возбуждение уголовного преследования и отказом от обвинения.

Между тем, согласно уголовно-процессуальному закону, при осуществлении полномочий прокурор сам может производить расследование дела. В этом случае он обладает всеми правами следователя. При таком раскладе процессуальных

полномочий важным процессуально-правовым механизмом сдерживания и противовеса выступает функция суда.

Итак, из этого суждения следует вывод о том, что в уголовном процессе имеются два ключевых «игрока», выступающих гарантом осуществления режима законности – прокурор (в основном на предварительном этапе судопроизводства) и суд (в целом и, непосредственно, в судебном рассмотрении дела). Вот почему сужение надзорной функции прокурора за исполнением законов органами следствия и дознания в расследовании уголовных дел, несомненно, приведет к снижению процессуальной гарантии в сфере правосудия, ослаблению механизма сдерживания и противовеса между прокурорской и следственной властями, а этого допустить никоим образом нельзя.

Исходя из этого, сегодня необходимо четко представить себе роль и место прокурора в структуре уголовно-процессуальных отношений. В строении прокурорской деятельности в уголовном процессе прежде всего необходимо учитывать ранее указанный особенность и своеобразие его функций. В экспертных кругах все чаще стали заявлять о необходимости сужения полномочий прокурорского надзора в пользу самостоятельности следователя и дознавателя даже в вопросах получения согласия прокурора на избрание меры пресечения в суде, минуя прокурора. Однако такая постановка проблемы абсолютно противоречит стройной функциональной логике построения обвинительной власти, которую выполняет прокурор в уголовном судопроизводстве. В частности, при утверждении обвинительного заключения, обвинительного акта (которые в последующем становятся предметом судебного разбирательства дела) прокурор должен иметь твердое убеждение не только в вопросах законности, обоснованности и справедливости деятельности следователя и дознавателя по сбору, проверке и оценке доказательств, но и в других действиях, совершаемых им, более того, связанных с ограничением прав и свобод лиц, привлекаемых в орбиту уголовного процесса.

Подобная нормативная практика существует в уголовном процессе Российской Федерации. Законодатель этой страны в целях обеспечения самостоятельности следователя в вопросе применения меры пресечения в отношении подозреваемых, обвиняемых, отстранил прокурора от участия указанных действий. Так, согласно ст. 108 УПК РФ «при необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь, с согласия руководителя следственного органа, возбуждает перед судом соответствующее ходатайство». Как видим, в решении вопроса о возбуждении ходатайства на применение меры пресечения под стражей перед судом «согласие прокурора» на это действие необязательно, но, при этом, российский законодатель решил оставить вопрос «согласия прокурора» на подобное действие, совершаемое дознавателем.

Из этого явствует, что следователь может быть самостоятельным в своих действиях по вопросу выбора меры пресечения, дознавателя же законодатель таким доверием не наделил. Если учесть тот факт, что следователь расследует в основном дела, общественная опасность которых на порядок выше, по сравнению с расследуемыми делами дознавателем, то, при применении меры пресечения под стражей, необходимы более существенные гарантии защиты прав и свобод личности. Более того, двойные стандарты при решении законодателя в данном

вопросе здесь неуместны, поскольку, в данном случае, уровень защиты прав и свобод личности в уголовном процессе серьезно пострадает.

Сегодня российским научным сообществом более четко ставится требование о возвращении прокурора в этот процесс. В качестве аргумента ученые приводят то обстоятельство, что прокурор в уголовном процессе – это главный носитель функции обвинения, а это означает, что только на прокурора в судебном рассмотрении дела возлагается бремя доказывания.

Еще один наиболее важный вопрос для правильной конструкции современного уголовного судопроизводства страны связан с вопросами статуса и осуществления функций защиты. Законодатели стран Содружества уже давно пытаются построить состязательную систему судопроизводства. Каждая страна идет в этом направлении своим путем, и успехи каждой из них в данной деятельности различны. Так, одни страны продвинулись в решении этой проблемы далеко как, например, Грузия и Украина, в законодательствах которых институт защиты уравнен в правах с обвинителем по сбору и использованию доказательств в судебном производстве дела, другие же страны до сих пор «топчутся» на месте, внося лишь косметические изменения в процессуальную деятельность субъектов защиты, в частности, Туркменистан и Таджикистан.

Несмотря на это, предпринимаемые законодателем меры еще неполностью достигли поставленной цели. Во многих государствах Содружества роль защиты в установлении истины по делу не всегда соответствует заявленным целям, даже если она нормативно отрегулирована, однако на практике из-за отсутствия четкого механизма реализации прав субъекты защиты сталкиваются с различными административными препятствиями, в отдельных случаях с явным игнорированием органами расследования исполнения законных требований защиты. Такому положению дел есть два объяснения, первое из которых связано с недоверием властей к носителям функций защиты и, прежде всего, оно обосновывается тем аргументом, что субъекты защиты в уголовном процессе всегда преследуют личные интересы, для достижения которых представители функций защиты не всегда следуют предписаниям закона. Другое объяснение – это принижение роли защиты, которое имеет место в уголовном процессе, фактически является продолжением первого, и строится оно на том факте, что государство пытается на методологическом уровне решить вопрос в рамках «публичного интереса», т.е. по идее законодателя функции защиты должны быть полностью контролируемы органами, ведущими уголовное судопроизводство.

Важно отметить, что в последнее время вектор решения данной проблемы смещается в сторону сокращения функций прокурора и параллельно усиливается функция разрешения дела. Между тем решение проблемы в данном формате прежде всего связано с особенностью модели уголовного процесса, которую мы уже успели рассмотреть. Однако следует признать и тот факт, что обсуждаемый вопрос не совсем простой и подходы к его решению, даже среди ученых, различны. Несмотря на это, при рассмотрении данного вопроса важно исходить из природы существующих в уголовном процессе «публичных» и «частных» интересов, находя баланс между ними. И самое главное, – этот вопрос не должен быть решен в пользу одного, но в ущерб другому.

До сегодняшнего дня многие республики постсоветского пространства в очередной раз в своей истории, предпринимали меры по процессуальной организации деятельности защиты в целях ее «приобщения» к «духу» состязательного процесса. Помимо Грузии, Украины и Молдовы, не говоря уже о прибалтийских республиках, в странах Содружества данная проблема была решена в пользу так называемого «общественного интереса». И предпринятые меры, в плане укрепления гарантий обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) в уголовном судопроизводстве, в конечном итоге получили фиаско. Роль защиты в обеспечении справедливого правосудия в этих странах не совсем заметна.

Теперь предстоит определить основные направления развития функции защиты в уголовном процессе. Для решения этого вопроса необходимо построить такую модельную конструкцию, которая прежде всего отвечала бы, правоотношению, основанному на принципе состязательности. Это означает, что защита должна обладать теми возможностями, которые бы способствовали проявить себя в качестве самостоятельной стороны процесса. Хотя мы ни е являемся ярым сторонником присуждения стороне защиты права ведения параллельного расследования, однако полагаем, что она должна обладать всеми допустимыми законом средствами и способами оспаривать обвинение, предъявленное обвиняемому (подозреваемому, подсудимому). Для достижения этой цели необходимо создать именно институциональную базу, служащую основой тем процессуальным средствам и способам, посредством которых защита могла бы осуществить свою процессуальную функцию. Это мероприятие возможно лишь посредством реформирования самой идеологии уголовно-процессуального правоотношения, ориентируя её на механизм состязательности как необходимую субстанцию справедливого правосудия. Таким образом, конструкция уголовно-процессуальных отношений, основанных на данной идеологии, должна быть выстроена в виде «треугольника», т.е. спорящие по основному вопросу уголовного процесса стороны – защита и обвинение, занимают два «угла», а выполняющий функцию разрешения определенного спора, который, в статусе независимого субъекта, беспристрастно рассматривает возникший у сторон по определенным вопросам правовой спор, должен занимать последний «угол».

В качестве процессуальной формы такая конструкция правоотношений может иметь два вида: а) создать в уголовном процессе совершенно новый институт – судебного следователя, о котором уже задумываются авторы проекта нового УПК Республики Узбекистан; б) обеспечить стороне защиты право обжалования действий субъектов, ответственных за производство уголовного дела, по вопросам оценке и использования доказательств, представленных стороной защиты.

В целях внедрения вышеуказанных процессуальных форм и порядков, следует разработать четкий процессуально-правовой механизм противодействия неправомерным действиям субъектов защиты. Для этого бремя доказывания по представленным доказательствам необходимо возложить и на субъекты защиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Айртсен И. Реконструкция связей в сообществе – медиация и восстановительное правосудие в Европе. – Киев: Захаренко, 2008. – С. 183.

2. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб, 2003. – С. 8.
3. Алексеева Л.Б. Уголовно-процессуальные функции // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. – С. 423.
4. Баранов А.М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра / <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protsessualnaya-politika-rossii-vchera-segodnya-zavtra/>.
5. Вернер Б. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е издание, с доп. и изм. / Пер. Я.М. Плошкиной: Под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦ ЮО. 2004. – С 16.
6. Даниель У. Ван Несс. Мировой обзор восстановительного правосудия. Доклад, представленный на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Бангкок. 2005. – С. 2.
7. Калиновский К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств: Учебное пособие. М.: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/547/24547/7100?p_page=2.
8. Курс уголовного процесса: Учебник / Под редак. д-ра, проф. Л.В. Головки. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2017.
9. Мачарашвили Н. Отказ от карательной модели восстановления справедливости: идет ли Грузия по пути международного опыта национального примирения / Кавказ и глобализация. Том 1 (4). 2007. – С. 19.
10. Николаев Г. Мерило Праведное (Заметки о составе памятника) // Православный собеседник. – 2007. – № 1 (14). <http://krotov.info/history/14/2/nikolaev.htm>.
11. Нестор Н.В. Понятие, принципы и формы восстановительного правосудия // Вестник Пермского Университета. 2012, №4 (18). – С. 28.
12. Салтанов Н.В. От кризиса карательной модели правосудия к восстановительному правосудию // Наукові записки ХЕПУ, № 1(20), квітень 2018. – С. 114.
13. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Учебник для вузов, – СПб.: 2005. – С. 78.
14. Стойко Н.Г., Семухина О.Б. Уголовный процесс в США: Учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2000. – С. 16.
15. Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса. Дисс... канд. юрид. наук. Москва, «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации». 2016. – С. 15.
16. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Красноярск, Кубанский госуниверситет. 2006. – С. 4.
17. УПК Грузии. <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/download/90034/37/ru/pdf>.
18. Халимов С.А. Уголовно-процессуальная политика и уголовно-процессуальное право / https://spravochnik.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ugolovno-processualnaya-politika.

19. Хенгтингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пре. с англ. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – С. 228–229; Von Hirsch, 1993 – С. 9–14.
20. Шахнович М.М. Парадоксы теологии Эпикура. – СПб., 2000.
21. Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. West Publishing, 1994.
22. Landsman S. Reading in Adversarial Justice: The American Approach to Adjudication (American Bar Association Section on Litigation). West Publishing, 1988.
23. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1984. – N 1. – P. 1.
24. Packer H. The Limits of the Criminal Sanction. Stanford. 1988.